

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor

Miguel Kireeff
Monroe 4329

1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO

Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires sabado, 10 de setiembre de 1983

Буэнос Айрес, суббота 10 сентября 1983

№ 1729

МЫСЛИ ВСЛУХ

ИВАН НИКИТИН

О монархии и о „Нашей Стране“

С большим вниманием и даже увлечением я прочитал номер газеты посвященный первой годовщине со дня смерти Татьяны Владимировны Дубровской.

Я стал читателем “Нашей Страны” совсем недавно, уже после ее кончины, и поэтому до сих пор не был в состоянии оценить ее работу. Вот почему отрывки из ее писем оказались для меня настоящим открытием. Встал перед глазами образ настоящего русского человека, не какого-то бесстрашного героя, а простого человека, со своими слабостями и сомнениями; да, образ честного человека, который выбрал себе путь в жизни и до гробовой доски остался верным своему идеалу.

Татьяна Владимировна мне сразу стала близкой по духу и как-то на душе повеяло грустью от сознания, что ее больше нет и, что жизнь не позволила с ней познакомиться и поддержать ее труд, в столь сложных условиях.

Пусть ей будет легка аргентинская земля и пусть живет память о ней в сердцах русских людей.

Наш долг теперь сделать все возможное, чтоб ее слава долетела до России, которую она так пламенно любила, и которой она посвятила свой земной путь.

Недавно получил от одного зна-

мого письмо. Вот, что он пишет о “Нашей Стране”: “... я был ранее на нее подписан, но перестал читать из-за недостатка времени и потому, хотя я сам “бывший” монархист (теперь лишь уважающий наше историческое прошлое), но консервативно-монархические рассуждения меня не интересуют...”

Несколько дней спустя, прочитал в “Нашей Стране” замечательную статью Г. Лукина: “Патриотизм как таковой и его проявления” (№ 1723) в заключении которой автор пишет: “В эмиграции мы должны твердо держаться заветов наших дедов и отцов и пока нет свободного русского государства, мы должны поддерживать Зарубежную Русь и жить ее жизнью, чтобы не раствориться в массе местного населения. Мы должны донести наше свободное русское знамя до свободной России!”

Кто же из этих двух русских прав? Без всякого сомнения — второй. Но к сожалению надо сказать, что особенно за последние годы мнение первого стало укрепляться в русской эмиграции.

Итак, иные русские патриоты постепенно отказываются от монархической идеи. Все пошло вперед многие стали смотреть на возрождение Царской России, как на какой-то устарелый фольклор. Распространилось также мнение, что быть монархистом, это обязательно быть человеком устарелых взглядов, который

занимается всякими бесполезными и бестолковыми делами.

Пусть читатель не думает, что я кому-либо собираюсь давать ответы. Не в мои годы это делать. Но все же я хочу высказаться на эту тему.

Россия, Царь, Православие — это было неразрушимое единство, которое революция все-таки умудрилась разбить. Газета “Наша Страна” борется за восстановление этого единства и поэтому я считаю необходимым ее поддерживать. Тут дело не в “монархических рассуждениях”, а в защите национальной идеи России, за которую погибли наши отцы и деды.

Я долго блуждал по разным путям и довольно поздно пришел к сознанию, что не может быть России без Царя. Пусть некоторые считают, что мои взгляды не подходят к нашей эпохе, но если быть человеком современных взглядов значит признавать разврат и беспорядок XX века, то я таковым быть не хочу. Я отказываюсь от нравственного разврата и разрушения общественной дисциплины, а эти пороки появились после первого удара по монархии. С тех пор стал звучать прекрасный лозунг “свобода, равенство, братство”, но он в то же время открыл путь всем разрушителям общества.

При царях мир двигался вперед, но тогда слово *прогресс* было тесно связано с определенным порядком. Ведь мировое творчество Пушкина, Достоевского, Репина или Менделеева это явление царских времен, а не какой-то советской власти, которая сумела выбрать себе “героями” только таких как Дзержинский, Павлик Морозов, Лысенко или Шолохов.

На горизонте сомнений русской эмиграции бывают иногда яркие зарницы. С какой радостью я прочитал в “Нашей Стране” (№ 1720) статью Александра Вознесенского: “И один в поле — воин”! Он пишет: “... нельзя забывать, что на русских в Зарубежье возложен долг памяти правды, верности России, ее славной истории и традициям. Самым же главным и прямым долгом является долг по отношению к его братьям на поработанной русской земле. Достойный называть себя *русским* человек живет *постоянно* в органической связи с далекой родиной. Он за нее молится и с ней страдает. На нее надеется и в нее верит.

Все мы ответственны перед Россией за наши поступки. Проверим же себя — использовали ли мы каждую предоставившуюся нам возможность помочь ей? Отдаем ли мы все наши силы ей. на пользу, оказываем ли мы нашим братьям на родине хоть моральную поддержку? Вот если ко

Указанный Д. А. Хомяковым факт, что “свобода” означает “свой быт”, не исчерпывается этимологическими аспектами. Конечно, понятие “быт” тесно связано с глаголом “быть” (to be по английски, *bin* на древнегерманском, а на санскрите *bhavati*). Возможны и дополняющие оттенки: *via*, жить, обитать, на древнескандинавском; *phuein*, рожать, и *phynai*, родиться, быть, на древнегреческом.

Но под этимологическими почти что всегда лежат более глубокие — можно было бы сказать метафизические — аспекты.

В связи с этим открытием этимологического значения слова “свобода”, указанным Д. А. Хомяковым, в его недавно опубликованном труде, невольно приходят на ум чисто философские исследования Ортеги и Гассета о значении этого понятия.

Исходя из писаний Цицерона, в которых он сокрушается, что в Риме гибнет не только согласие (*concordia*), но и свобода (*libertas*), Ортега в своем эссе “О Римской Империи” сразу же подчеркивает: “Свобода Цицерона не является свободой или свободами либерализма”. Больше того, Ортега жалуется, что его всегда оскорбляла “претензия либерализма, быть единственным открывателем и осуществителем свободы”. И дальше: “Этот либерализм... обменивал великую идею жизни, как свободы — на несколько свобод во множественном числе...”

Идея свободы, согласно Ортеге, исходит из общего мировоззрения и из понятия какой должна быть собственная жизнь каждого народа. А затем, и из представлений о том, какие должны быть публичные и политические учреждения этого народа. Если эти политические учреждения будут соответствовать народному мировоззрению и народным политическим представлениям, то тогда, и только тогда, такой народ будет обладать свободой: “В конечном итоге, будет чувствовать себя свободным, потому что живет в рамках тех учреждений, которые он предпочитает”.

Это не значит, добавляет Ортега, что можно привыкнуть к тем или иным учреждениям, и тогда, в силу такой привычки, чувствовать себя свободным. Нет, свобода будет только тогда, когда все государство будет ощущаться “как собственная кожа”. Когда же свобода потеряна, государство чувствуется как “ортопедический аппарат”.

В России свобода будет тогда, когда в ней будут восстановлены ее собственные учреждения и ее собственный быт.

И. А.

К 35-летию

со дня основания единственной еженедельной русской монархической газеты

“НАША СТРАНА”

в буэнос-айресском Кафедральном Соборе Воскресения Христова

18 сентября

сразу после Божественной Литургии будет отслужен

Благодарственный Молебен

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

Нам пишут из Рима:

На проходившем здесь творческом форуме "Континент культуры" выступил на тему "Писатель и абсолютное зло", недавно выехавший из СССР поэт Юрий Кублановский, сказавший в частности, что "в гениальном "Андре Шенье", быть может и не вполне осознанно, Пушкин прикинул финал собственной судьбы в случае установления декабристской диктатуры." Кублановский также подметил, что "сторонники чистой художественности поэтов и не принимают, и отрицают Солженицына, что видят за ним нечто полярное: предельно твердое понимание, где добро, где Истина, а где абсолютное зло, персонифицированное для него в материалистической секуляризации мира... Поэтому первая эмиграция так безоговорочно оценила с самого начала творчество Солженицына, что именно ей удалось в изгнании сохранить традиционное понимание русской литературы..."

Ю. Кублановский закончил призывом "стать вновь достойными писательского дела России... Последнее слово, конечно, за Богом, но да позволено нам будет ощущать себя некими маленькими плотинами многоводному красному течению зла в мире".

ПОЧВЕННИКИ И ВОЕННЫЕ

Нам пишут из Мюнхена:

Автор "Верного Руслана", выехавший недавно на Запад, Георгий Николаевич Владимов рассказал, что в последние годы "выдвинулись — и громко о себе заявили — деревенщики, точнее почвенники, часть весьма широкого движения, стремящегося к возрождению русской национальной культуры... Как всякая идея, противостоящая официальной протухшей идеологии, русская национальная идея и неизбежна и спасительна". По словам писателя, вынужденного уехать на Запад многолетними гонениями, обысками, шантажом, почвенники "действительно много сделали. Они хотели пробудить память России, вернуть ей ее историю, они боролись за восстановление духовных ценностей, во мно-

гом — содействовали пробуждению религиозного сознания... И вот сейчас эта необходимая работа всячески пресекается. В русском движении власть усмотрела для себя главную опасность". Владимов привел слова Федорчука, главы КГБ, сказавшего: "Главное — это русский национализм. Диссиденты — потом, мы их возьмем в одну ночь". В числе представителей "русской идеи" Владимов назвал Василия Белова, Бориса Можая, Владимира Солоухина и Федора Абрамова.

Однако, по свидетельству Владимова, почвенники — это не только писатели. Это и публицисты и художники, и техническая интеллигенция: "Не все идеи разделяются ими одинаково — например, ностальгия по монархии"... "Русская идея" проросла в различные слои общества, в том числе — и в среде военных. "Я знаю, — утверждает Владимов, — что среди майоров, подполковников, полковников, — есть люди смело мыслящие, которые понимают необходимость исполнения своих национальных задач, угнетены тем, что нет сейчас в России руководящей национальной идеи. Неслучайно же на процессе А. Иванова-Скуратова выяснилось, что многие его воззвания были напечатаны на машинках Генерального Штаба. Значит ему там сочувствовали".

Вместе с тем, Владимов признал, что в настоящее время армия и милиция проростают гебистами. "Андропов намерен внедрить туда до 30% своих офицеров. Вообще, проблема внедрения в смежные силы их чрезвычайно волнует, поскольку они понимают, что там их действительно ненавидят и боятся... Она действительно существует, и давно, вражда между КГБ и милицией, между КГБ и армией, но с внедрением туда гебистов она, естественно, ослабляется. Особенно это тревожно в отношении армии, а ведь она могла бы стать реальной силой обновления России. Я не очень верю в повсеместное дружное движение народа, нужно рассчитывать на то, что есть. А армия — она не нуждается в идеологии, она имеет свою национальную благородную задачу: защиту отечества в бою. И поскольку там все-таки есть мыслящие офицеры, не исключается португальский вариант — движение вооруженных сил во главе с генералом или высшим офицером".

РУССКИЙ СЕВЕР

Нам пишут из Мюнхена:

Советская власть начала работы

что люди одной семьи должны были бы тесно идти одним путем. В действительности же не всегда так бывает. Хотелось бы например знать, как относится к "Нашей Стране" Союз Ревнителю Памяти Императора Николая Второго, и как он встретит великое событие прославления Царской Семьи в сонме Новомучеников Российских? Ведь не совсем понятно почему этот яркий по званию Союз продолжает до сих пор служить панихиды по "мученически убиенным Государе Николае Втором и Его Августейшей Семье" ("Русская Мысль" от 7 июля с. г.), да и притом в Кафедральном Соборе Св. Александра Невского, в Париже, который откололся от Русской Зарубежной Церкви и тем самым от заветов Святейшего Патриарха Тихона.

Задаю этот вопрос Союзу Ревнителю Памяти Императора Николая Второго через газету "Наша Страна" и в ней же жду ответа.

по осуществлению поворота рек русского севера на юг. Этот проект вызвал большую дискуссию в кругах специалистов и встречает все большую оппозицию в населении, поскольку он навсегда изменит лицо северных областей России и уничтожит много исторических национальных памятников. Резко выступил против него писатель Василий Белов, а незадолго до смерти Брежнева группа других подсоветских литераторов обратилась к "Генсеку" с призывом отменить этот варварский проект. В Самиздате распространяется еще одно, аналогичное письмо, приписываемое известному историку, академику Д. С. Лихачеву.

ФЕДОР АБРАМОВ

Нам пишут из Мюнхена:

На 64-ом году жизни скончался Федор Александрович Абрамов, талантливый писатель, один из самых выдающихся представителей современной русской "почвеннической" литературы. В своей трилогии "Пряслины" он показал какой ценой русский народ вынес на себе в тылу бремя двойного гнета: войны и коммунистической власти.

Любовь к русскому народу, выявление его лучших качеств, стойкой моральной основы, борьба за возрождение национальной памяти и культуры, за сохранение церквей, памятников старины и русской природы — вот главное направление творчества Федора Абрамова. Однажды, во время поездки в Болгарию, его представили как советского писателя. Абрамов поправил: "Я не советский, а русский писатель".

На похороны писателя, в маленькую деревушку Верколу на реке Пинеге, съехалось множество народа. Жители встретили похоронную процессию, образовав живую стену по обе стороны дороги. После православного отпевания в местной церкви, у могилы выступали, читали стихи: В. Солоухин, В. Распутин, В. Белов, В. Крупин и другие писатели.

РАССТРЕЛ ТУРИСТА

Нам пишут из Брюсселя:

Ермак Лукьянов, 1914 года рождения, калмык, бельгийский гражданин, по статье 64 Уголовного Кодекса РСФСР приговорен военным трибуналом Калмыцкой АССР в го-

помещена блестящая статья Анатолия Бора, с фотографией патриарха Пимена перед гробом Брежнева. Эта фотография является новым и ярким подтверждением той связи, которая существует между официальной православной Церковью и советской властью.

Зная, что церковь в СССР полностью подчиняется коммунизму, все же находятся среди эмигрантов люди посещающие приходы, которые зависят от Московской Патриархии. Недавно я писал в "Нашей Стране", что нельзя читать "Правду" под предлогом, что хочется читать по-русски. Сегодня могу также сказать, что совершенно недопустимо видеть, как некоторые эмигранты закрывают глаза на юрисдикцию от которой зависит храм, в который они ходят. Таким образом, они теряют свою гордость и честь.

ИВАН НИКИТИН

(1) Александр Вознесенский является, собственно, прауком белых эмигрантов, так как его дед был вывезен из Новоросска в 13-летнем возрасте. (Редакция)

роде Элиста к высшей мере наказания — расстрелу. Советские официальные органы сообщили об этом семье Е. Лукьянова, проживающей в Бельгии — жене и 9 детям.

Ермак Лукьянов был арестован в Советском Союзе летом 1968 года во время туристической поездки. Его судили за отказ возвратиться из-за границы после освобождения из плена в 1945 году. Судебная экспертиза признала Лукьянова неизлечимым, после чего он был отправлен на "лечение" в Казанскую спецпсихбольницу. Однако через 15 лет он неожиданно был признан вменяемым и дело его было передано в военную прокуратуру города Элисты, где его и приговорили к расстрелу.

Бельгийский парламент собрался по этому поводу на специальное заседание.

УГОН САМОЛЕТОВ

Нам пишут из Мюнхена:

По сообщению советской газеты "Красная звезда" в начале июля два человека пытались угнать за границу пассажирский самолет, летевший из Москвы в Таллин. Один из них был убит, другой арестован. Неоднократные перестрелки во время попыток захвата советских самолетов за последние годы, свидетельствуют о том, что теперь в каждом самолете среди пассажиров сидят агенты КГБ.

ПЕЧАТЬ

ЦВЕТАЕВА И БЕЛЫЕ

В выпущенном в Нью Йорке литературном сборнике "Руссика 1981", известная писательница Н. Берберова, в статье "О переиздании политических дневников З. Н. Гиппиус" высказывается следующим образом:

"Здесь уместно коснуться М. И. Цветаевой и ее литературной судьбы в эмиграции, в нескольких строках напомнив о ее взаимоотношениях с либерально-демократической частью эмигрантской интеллигенции. Они были всегда натянуты. От П. Н. Милюкова (или даже от И. В. Гессена, редактора берлинского "Руля") до редакционной коллегии "Современных Записок", людей корыблило ее увлечение "белой армией" и "героями белой борьбы". Страстное, бескомпромиссное увлечение это сделало невозможным для Марины Ивановны стать ни постоянной сотрудницей русской "демократической" прессы, ни создать дружеские отношения с редакторами этих изданий. Ее безапелляционное обоготворение "лебединого стана" и "русской Вандеи" поставило ее по другую сторону эмигрантской баррикады, туда, где печатались монархические листовки белградских реакционеров".

Откровенно выражено... Вот за это ее и затравили! Но что же это была за эмиграция — белая эмиграция! — в среде которой уважение к Белой Армии (безо всяких кавычек! они у Берберовой только от злости поставлены) считалось за грех и могло лишить человека куска хлеба, навлечь на него остракизм и даже преследование?!

В. Р.

Ссоры между эмигрантами всегда были и будут, даже если больно это признавать. Но казалось бы,

В "Нашей Стране" № 1723 была

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

ЛЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛИЗМОМ

По второму каналу телевидения в Бостоне и 13-му в Нью Йорке, 13 июня этого года в рамках программы "Frontline" был показан документальный фильм The Russians Are Here; автор и режиссер — Офра Бикел. Название передачи, кстати, восходит к забавному фильму 60-х годов The Russians Are Coming, в котором одним из главных исполнителей тоже был некий Бикел — Теодор.

Может быть в этой передаче и были сгущены краски; можно также предположить, что в погоне за сенсацией были включены сцены скабрезного характера. Вот как описывает это некая Регина Немчикова в газете на русском языке (с бердичевским привкусом): "Объектив телекамеры назойливо возвращается к пьянке в квартире Кузьминского, где на полу валяются представители обоего пола. Все в лучших традициях богемы для бедных. А душевный стриптиз поэта (Кузьминского) вызывает элементарную брезгливость... Вообще в передаче почти все пьют, или говорят о водке. И еще философствуют на мелком месте, как например, г-н Неклеушев. В России все связаны, а здесь разобщены, — утверждает он" ("НРС", 29 июня 1983).

Фильм вызвал многочисленные отклики: взволнованные, возмущенные, гневные, протестующие... Кстати, последняя новость на этом фронте: "Антидиффамационная Лига эмигрантов из подсоветской 'России' возбуждает "коллективное судебное дело" (Class action suit) против "Службы общественного телевидения" (PBC) и режиссера; иск в размере 200 миллионов долларов, а также требование показать фильм-опровержение! С русской точки зрения неверно название передачи: это не фильм о русских, а об одесситах. На одесском наречии написано и большинство откликов. Вот, например, заглавие послания некоего Ильи Сулова: "Русские — таки здесь!" ("НРС", 21 июня 1983). Так и запахло родимой Одессой-мамой!

Чем же вызвана эта буря в стакане воды? Да тем, что режиссер (ее предки тоже, вероятно, прибыли из Одессы или того же Бердичева) осмелилась обратить внимание на геновые стороны новейшей эмиграции. Вот как вещает об этом Илья Сулов: "... телезрителю внушалось, что мы рабы, алкоголики и невежды, предпочитающие жизнь при коммунизме жизни в нормальном демократическом обществе. Рупором этих отвратительных идей выступили поэты Лев Халиф и Константин Кузьминский, взявшие на себя смелость говорить от имени всех нас, и страстно доказывавшие американским телезрителям, что мы ушли от коммунизма к демократии потому, что понятия не имели, как ужасна демократия и как мила жизнь при КГБ. Все вышеперечисленные инженеры человеческих душ чувствовали себя важными и значительными, а приехав в Америку, поняли, что никому здесь не нужны. Наши непризнанные гении теперь точно знают, что свобода — не для них и не для нас. Они готовы вернуться в Советский Союз вместе с несчастными, скверно выглядящими на экране жителями Брайтон-Бича (часть Нью Йорка, заселенная преимущественно новыми эмигрантами). Но, пока это невозможно, наши эмигранты предпочитают дублировать зарубежные порнофильмы и слушать записанные на видеопленку песенки Фрадкина на

слова Долматовского".

Да простит мне читатель эту длинную выписку. По существу же надо сказать, что многое в этих "обвинениях" вполне приложимо к новым эмигрантам. Тут следует вспомнить старую поговорку: "нечего на зеркало пенять, коли рожа крива".

По слухам, исходящим из еврейских кругов, поведение Офры Бикел объясняется тем, что она: 1. дева и негодует на евреев, уезжающих из "рая", 2. она возмущена тем, что выезжающие евреи предпочитают переселяться в Америку и не едут в Израиль. Но оставим этот "спор славянеарийцев" между собой.

Теперь о критике, нашедшей выражение в передаче. Начну с того, что "новым" в финансовом отношении живется несравнимо лучше, чем приехавшим после двух войн русским. Они получают и социальное обеспечение, и бесплатную медицинскую помощь, и пособие по безработице, и помощь от многочисленных еврейских организаций в размере 400 долларов на душу ежемесячно. Все это нам и не снилось в свое время. И все-таки большинство из ново-

побережье. По улице идут: сравнительно молодой человек и пожилая женщина, повидимому, зять и теща. Молодой человек говорит успокаивающе-уговаривающе: "Но, мама, мы ведь вам говорили, что здесь все говорят по-английски". На что следует ошеломляющий ответ: "Да, говорили. Но я не думала, что все время".

Теперь о "плачевном" положении евреев в Советском Союзе, о так называемых "преследованиях и притеснениях", которые выдвигаются главными причинами переселения. Вспоминается старый анекдот о женщине-враче, которая жалуется: "Нет, вы только подумайте, какой антисемитизм! Мою дочь отказались назначить на мое прежнее место — заведующей больницей". И тут опять приходит на память случай из жизни. Бывшая киевлянка жалуется: "Бывало, в Киеве, когда я одевала заграничное платье (добытое с большим трудом!) — все на меня главели на Крещатике или на бульваре Шевченко (б. Бибиковский). А здесь каждая последняя негрятка может себе такое купить!" Какая, действительно, тра-

Похоже, что у всех отвечающих на него, есть свои счета с американской свободой". Приведу опять случай из жизни. Престарелый советский профессор, специалист по корейскому искусству. Читает в американском университете лекцию на малопонятном английском. После лекции "душевный разговор" с двумя русскими профессорами. Жалуется: "у меня там все было: машина, дача, домработница". Ему отвечают, что машину и дачу он и здесь может завести, а вот с прислугой плохо. Но ведь есть и что-то более важное — свобода. На это следует ответ: "На свободу мне наплевать. Мне чтоб домработница была". Ну, чем не подпольный человек новейшей советской формации; тот, как известно, требовал свой стакан чаю, а там хоть весь мир провалился... Мы ему задали вопрос: "Почему же вы выехали?" Ответ нас потряс: "Представилась такая возможность, ну и выехал".

Теперь о "сменовеховских" настроениях среди новейшей эмиграции. Судя по откликам на передачу, представители этой эмиграции оскорблены предположением, что многие из них не прочь вернуться. Один мой знакомый провел нечто вроде опроса "новейших" и пришел к выводу, что около 80% завтра вернулось бы, если бы разрешили и если бы можно было снова занять привилегированное положение... И это несмотря на то, что, повторяю, в экономическом отношении большинство устроено отлично. Во всяком случае по сравнению с первой и второй эмиграциями.

Почему же такое недовольство, такая неудовлетворенность? Тут мы подходим к самому важному вопросу. Опять-таки, причин несколько. Уже упомянутое незнание языка, культуры Запада и условий жизни, отсутствие на родине этого самого антисемитизма — по крайней мере со стороны населения — о котором так усердно дезинформируют Запад. Допускаю, что иногда выплывает на поверхность зависть: почему "им" можно, а "нам" нельзя? Но, вероятно, главная причина подспудная: потеря духовного авторитета, духовного верховства. Оговорюсь: это вовсе не потеря власти, влияния, и т. п. Это что-то совсем другое, о чем можно только догадываться. Как и когда это началось — трудно сказать. Вероятно, во время (или непосредственно после) войны. И дело тут не в храбрости: многие евреи храбро сражались за свою советскую родину. Но была разница в глубинных причинах этого сопротивления немцам: евреи были движимы только инстинктом самосохранения, чувством в основе своей расовым. Русские же, помимо чувства самосохранения, вдохновлялись соображениями совсем другого порядка: вопросом — быть или не быть России? Возможно, что разница вдвигающих силах и послужила толчком к пересмыслению исторической роли и положения евреев вообще. Вспомним 20-е и 30-е годы. В каждом уважающем себя литературном произведении тех лет непременно появлялся некий добродетельный, идейно-выдержанный иудей (комиссар, политрук, секретарь партии и т. д.), образованный, интеллигентный, идейный, и русские ваньки валом валялись за ним и слушали его, "открывши" рот. Он, конечно, вещал им о будущем рае. (В 30-е годы прибавился

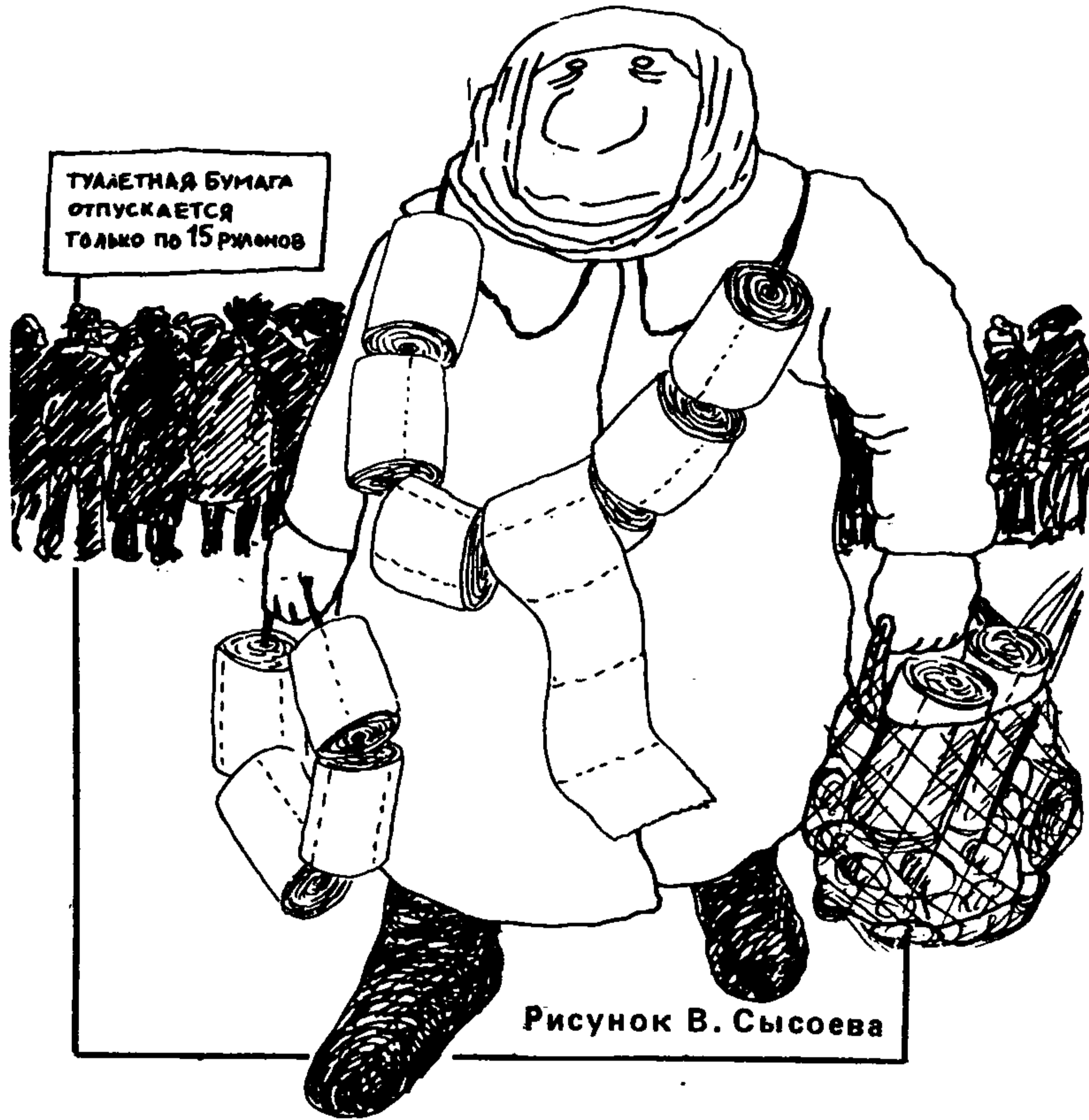

Рисунок В. Сысоева

прибывших очень несчастно здесь, пожалуй — гораздо несчастнее нас. И это по многим причинам. Вот некоторые из них.

Они уехали добровольно, это многих грызет. У нас таких сомнений не было, да мы и не выбирали: посчастливилось оказаться за пределами власти "усатого", ну и слава Богу! Другая причина: полное незнание языка и вообще неосведомленность об условиях жизни на Западе: невозможность занять сразу "ключевые позиции". Насчет незнания языка, приведу два анекдота из жизни. Первый мне рассказала очень интеллигентная ленинградка. По ее словам какой-то мифический выехавший (назовем его Исаак Борисович) написал домой, что в Америке ничего не стоит отлично устроиться без знания языка. Я подивилась: "Но кто же этому поверит? Ведь это курам на смех!" На что последовал ответ: "А мы поверили". Во втором случае действие происходит в маленьком американском ордке на восточном

гедия!

Особенно обидным показалось, что местное население стало задавать вопросы. Вот некоторые из них (из статьи Регины Немчиковой): "Выходит, в России не так уж плохо вам было? Зачем вы уехали?"... "Никакого антисемитизма там нет. Никто о нем не говорил. А ведь, когда вы сюда приехали, вы только о нем и твердили. Зачем? Только для того, чтобы получить статус беженцев?"... "Русским не стыдно просить у американцев "фудстэмпы" (купоны на бесплатное получение продуктов) и "медикейд" (медицинская помощь), а самим пить водку и гулять в ресторанах?"

Признаться, эти же вопросы задаем и мы.

Теперь о свободе, демократии и прочих отвлеченных благах западной жизни. Регина Немчикова пишет, что все, "с кем встречались тележурналисты, должны были ответить на сакраментальный вопрос: "Как вы относитесь к американской свободе?"

еще и руководящий кавказец, с милым грузинским акцентом, в простой толстовке с серебряным пояском и с готовым ответом на все мировые проблемы.) За годы войны эти типы как-то постепенно переменили национальность. В 50-е годы и позже даже заведомо еврейские писатели стали реже выводить добродетельно-идейных товарищей из евреев или грузин. В жизни евреи усиленно маскировались (и маскируются) "под русских" и только отчества их иногда выдают. Вспомним какой переполох вызвало отчество Юры Солоневича при поступлении в институт киношников (повесть об этом называется "Двадцать два несчастья"). Юрий — вполне подходил, Солоневич — тоже могло сойти, но вот что прикажете делать с отчеством "Иванович"? Оно было уникально: всех других поступающих звали "Абрамович", "Ааронович", или, на худой конец, "Борисович" (от "Борух").

Надеюсь, что кто-нибудь более компетентный, бывший там, со временем напишет об этом крайне важном для нас внутреннем переполохе, об этом постепенном освобождении из-под иноземного ига. Пока же важно установить, что процесс этот все еще продолжается, и, надо надеяться, является необратимым. Дело не в том, что евреев меньше принимают в "престижные" учебные заведения (хотя это и понятно — всем, кроме американцев — кому охота даром учить граждан, которые потом улепетнут за границу?). Дело в том, что русские высвободились из-под гнета еврейской мысли. Да, ведущими в России стали не "интернационалисты, сторонники и строители мирового коммунизма", а русские патриоты. Оговорюсь: я имею в виду отнюдь не официальную установку, эта по-прежнему продолжает ориентироваться на старых идолов и талдычит о мировом пожаре, — а те здоровые течения, которые пробиваются несмотря и вопреки официальной идеологии. Да, их заглушают (особенно теперь), с ними борются, а они все-таки продолжают появляться и проявляться. Имен — не надо, имена опасны, назвать можно разве только тех, кто уже сидит или отсидел: Огурцова, Осипова, вообще членов группы ВСХСОН и Вече, участников религиозных семинаров. Но есть и другие, это те, кто ощущают себя русскими, православными, связанными крепкими нитями с прошлым своей родины и которые так или иначе борются за ее будущее. И первый из них — наш великий Солженицын. И дело тут не только в чисто русских, национальных интересах: эти интересы полностью совпадают с истинными интересами всего мира. Об этом часто говорит Западу Александр Исаевич.

Лучшим свидетельством духовного освобождения и возрождения в России является искусство последних десятилетий, в первую голову литература и особенно произведения так называемых деревенщиков. Они русские и пишут только о русских. На Западе их поэтому замалчивают и пытаются похоронить. Но они живучи. И деревенщик совсем не тот, кто описывает жизнь деревни: есть среди писателей продажные душонки, которые взахлеб пишут о прогрессе в колхозах, восторгаются убогой механизацией. Деревенщик только тот, кто видит в этом быте и в этом укладе то ценное, к чему надо вернуться в интересах национального возрождения. О нет, не к плугу, бороне или косе, а к вечным духовным ценностям, которые и создали Россию. Опять-таки — избегая называть имена — эти писатели замечательны тем, что умеют запечатлеть отличительные

черты, которые определяли существование старой деревни: совесть, родственную и духовную связь между всеми жителями, участливость, деятельную помощь. Как это отличается от механического, пустого, лишенного всяких высших духовных запросов существования новой, колхозной деревни! Дело не в машинах (да советские машины такого низкого качества, что мало и помогают), не в убогих "удобствах" новой жизни, дело в тех духовных началах, которые в конечном итоге и определяют бытие нации. И в поисках этих начал и этих ценностей не оказалось места для иноверцев и инородцев как бы они себя не называли и за кого бы они себя не выдавали. Этот процесс первостепенной важности еще далеко не завершился, но даже и уже достигнутое кажется чудом по сравнению с духовным убожеством прошлого.

Без сомнения, есть и среди евреев люди, включившиеся в этот процесс. Опять таки — *nomina sunt odiosa* — это те, кто не только считает или называет себя русским, но и является таковыми по сути. И тут первостепенная роль принадлежит обращению к вере, к православию. Вспоминаются мне сетования одной новоприбывшей особы, передававшей, что ее дочь в Москве сказала ей на уговоры уехать: "Мама, я вышла замуж за русского, я сама русская, православная и никуда отсюда не поеду".

И тут я перехожу к другому очень важному моменту. Извне на русских евреев оказывается давление: выезжайте, хотя бы не в Израиль, а на Запад; мы (заграничные евреи) поддержим вас: давлением на советскую власть, деньгами, связями, поможем вам устроиться на новом месте, и т. д. Чем же вызвано это давление? Тем, что боятся коренных перемен в России и расчета за прошлое? Но что же они знают, чего мы не знаем? Крысы бегут с корабля? Возможно и это. Но мне кажется, решающее значение имеет что-то другое, а именно опасение, что если сейчас евреи, особенно часть еврейской молодежи, не будет вырвана из сферы русского национального влияния, она неизбежно станет русской и, следовательно, погибнет, будет потеряна для еврейства. И уйдут именно лучшие, так как это они особенно восприимчивы к вершинным проявлениям русского духа. Итак, опасения не напрасны, не лишены основания: лучшие из евреев, идеалисты, ищущие Бога, уже ушли. Думаю, однако, что эти лучшие все равно бы ушли, в любой стране и при любых условиях. А в России дело в том, что волна возрождающегося православия и русскости так сильна, что она захватывает и инородцев. За все время существования коммунистической власти борьба шла и идет за душу народа, за русскую душу. В этой борьбе нет и не может быть равнодушных зрителей. Красота русской души открывается избранным всех народов и покоряет их навсегда. И вот тут наш долг и наша обязанность ценить и поддерживать этих героев духа и искренне и по-братски принимать их в нашу среду. В недавнем прошлом к ним принадлежали Борис Пастернак и Осип и Надежда Мандельштам. И не надо их оскорблять обидными подозрениями и кличками: они наши, русские, и мы должны помнить, что как в христианстве нет ни эллина, ни иудея, так и россиянином может стать человек и не русской крови, но русского духа. Этих наших братьев по духу мы должны принять как наших кровных. Они вынесли (и выносят) много попреков и даже угроз со стороны своих бывших единопле-

менников.

Самая эта боязнь последних должна внушать нам надежду, что возвращение лучших русских людей в "дом отчий" — явление значительного размаха и чревато коренными переменами в будущем. И опасения наших отечественных богборцов не напрасны: даже горсточка национально настроенных и верующих русских угрожает той вполне безблагодатной и безыдейной кучке, которая стоит у власти.

Тут следует вспомнить и о молитвах наших заступников — особенно наших новейших мучеников и исповедников: это они помогут вымолить светлую Русь у милостивого Бога и тогда вновь засияет наша православная родина яркой звездой на темнеющем небосклоне нашего пред-апокалиптического времени.

Буди, буди!

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

Языковые Уродства

ОТНОСИТЕЛЬНО МОНАРХИЗМА

Это слово, против которого возражала Т. Н. Дроздовская, если и неологизм, то уже довольно давний. Видимо, оно было в ходу в 1922 г., когда генерал Врангель писал генералу Краснову (цитирую по книге

Н. Расса "Врангель в Крыму", Франкфурт на Майне, 1982): "Революция разорвала два прежде связанных понятия о родине и о монархизме"; и далее: "пока понятие "монархизма" не выйдет из узких рамок политической партии..."

Причем о своих взглядах он тут же говорит так: "Вы не можете сомневаться в том, что по убеждениям своим я являюсь монархистом, и что столь же монархично, притом сознательно, и большинство Русской Армии".

Есть, понятно, все основания думать, что термин монархизм возник-то гораздо раньше; может быть, позже удается дату его появления и уточнить. А пока — авторитет генерала Врангеля, мне кажется, достаточен, чтобы за данным словом признать права гражданства!

По поводу упоминаемой книги, отметим с сокрушением, совершенно неправильное употребление автором иностранных фамилий: в несклоняемой форме, чуждой принципам русского языка. Например, он называет "труды Дж. А. Бринкля и П. Кинез". Так можно писать только о женщинах: романы Жорж Занд, сочинения мадам де Сталь. Но здесь-то речь о мужчинах. Значит, и надо было писать: Бринкля и Кинеза. Настолько же неправильно поставлено и маршалу Фош, вместо Фошу.

Аркадий Рахманов

ЕЩЕ О ТОМ ЖЕ

ОТВЕТ А. БОРУ...

Частично ответ на статью А. Бора "Яд модернизма" ("Н. С." № 1716) содержится в моих последних книгах (вышедших недавно) "Западня" и "Бедные люди". Хочу лишь повторить общеизвестное: в ужасах революции виновата бесовщина коммунизма, а не какой-либо один народ (французы или немцы, русские или китайцы, евреи или латыши — все народы мира подвержены этой опасности). Что же касается освобождения России и всего мира от коммунистической чумы, в этой святой борьбе необходимо единение всех народов, как это недавно прекрасно объяснил в Англии А. И. Солженицын. А вот ненавистничество и пустое злобствование — только помогает бесовщине. Как известно, Достоевский призывал не к ненависти, не к злобе, а к христианской любви. В статье "Еврейский вопрос" Достоевский пишет в заключении: "Да будет полное и духовное единение племен и никакой разницы прав... Да сойдемся мы единым духом, в полном братстве, на взаимную помощь и на великое дело служения земле нашей, государству и отечеству нашему" (Достоевский, "Дневник писателя").

Д. А. Антонов

...НЕ ПО СУЩЕСТВУ

Д. А. Антонов отзываясь на мою статью "Яд модернизма" ("Наша Страна" № 1716) предпочел промолчать об ее лейт-мотиве. А он подчеркнул самым названием. Модные теперь в искусстве манерничание разрушает ясность, гармонию и красоту. Новоявленные бесы футуризма затмевают понимание Божественных категорий ядом формалистического хаоса.

Этот фронт борьбы добра и зла, Бога и Дьявола за сердце человека

Достоевский предвидел и не раз суждение о нем вкладывал в уста героев своих произведений: "Если в народе сохранился идеал красоты, значит в нем есть потребность здоровья, нормы, а следовательно тем самым гарантировано и высшее развитие этого народа".

Светлый идеал красоты завещанный Достоевским был погран Д. А. Антоновым — без рассказания: автор "Восстания" не дал ответа по существу на мою критическую статью.

Д. А. Антонов осудил пустое злобствование и несправедливую манеру обвинять один какой-либо народ в том, что он заражен коммунизмом. Доводы положительные. Но почему ими не воспользовался сам Д. А. Антонов? Напомним ему им же злопыхательски высказанную мысль: "Да и в произведениях главными бесами показаны не поляки и евреи, а Ставрогини, Верховенские, Смердяковы. Достоевский был человеком Духовной культуры и считал бы жульничеством перекладывать основную вину на каких-то козлов отпущения" (стр. 212). Что же это как не обвинение одного народа?

Цитата из "Дневника писателя" Достоевского ратующего за духовное единение приведенная Д. А. Антоновым — прекрасна. Но если не только цитировать Достоевского для других, но и разделять его взгляды самому, то тогда невозможно написать книгу "Восстание" так, как она написана. Если же цитировать Достоевского и продолжать в своей книге оставаться его художественным антиподом, то тогда это — ханжество!

Главный герой из "Господ Головлевых" постоянно ссылаясь на религиозную мораль, которую сам грубо нарушал, никого не убедил в своей правоте. Правда, до цитат из Достоевского он не дошел и Духовной культуры не требовал...

Анатолий Бор